

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

СОЛЬ НА ИЗЛОМЕ

18+

Александр Абросимов

Соль на изломе

«Автор»

2026

Абросимов А.

Соль на изломе / А. Абросимов — «Автор», 2026

Холодное море умеет хранить тайны лучше людей. Вера бежала сюда, к покосившемуся семейному дому, чтобы замерзнуть внутри своих воспоминаний о погибшем женихе. Но первым, кого она встретила на пороге, стал законный хозяин второй половины — угрюмый морской инженер Макар, приехавший продавать эти руины. Старые стены не выдерживают двоих чужаков. Когда осенний шторм отрезает мыс от большой земли, а единственная печь начинает остывать, вражда становится слишком опасным топливом. Им придется учиться выживать: делить один плед, ломать хлеб одними пальцами и слушать оглушительную тишину вместо рева турбин. Но сможет ли сердце, намертво примерзшее к прошлому, оттаять рядом с живым человеком? И какой выбор сделает тот, кто привык уходить в открытое море при первых признаках опасности?

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ржавый ключ.	7
Глава 2. Чужие чертежи.	9
Глава 3. Дыхание шторма.	11
Глава 4. Синее стекло.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Абросимов

Соль на изломе

Пролог

Ветер пах мокрым железом и гнилыми водорослями.

Вера налегла плечом на заколоченную ставню, чувствуя, как под грубой тканью пальто хрустит старое дерево. Дом не хотел её впускать. Он сопротивлялся три года с того самого дня, как она села в поезд до Москвы, пообещав себе никогда больше не возвращаться к этому серому, жующему горизонт морю. Но обещания, данные мертвым, имеют свойство протухать быстрее рыбы на солнце.

Ржавый гвоздь наконец со скрежетом вышел из косяка. Ставня упала в траву с глухим, обиженным стуком. В лицо ударил запах сырой штукатурки, застоявшегося холода и чего-то еще пыльного, бумажного, знакомого до зубной боли. Запах детства, которое она безуспешно пыталась вырезать из памяти хирургическим путем.

Она шагнула внутрь. Доски пола застонали под тяжелым ботинком, жалуясь на предательство. Здесь ничего не изменилось. На облупившейся стене кухни всё так же висели ходики с одной оставшейся гирей-уткой, только их стрелки намертво замерли на четырех часах утра времени, когда ей позвонили из больницы. Тикающий механизм сломался ровно тогда, когда остановилось сердце Ильи. Вера провела пальцем по пыльному циферблату. Три года, два месяца и одиннадцать дней. Время здесь текло иначе оно просто сгущалось черной пылью на мебели.

Ее внутренний кризис ждал её прямо у порога. Выгорание, от которого она пряталась в душевной мастерской среди цветных стекол чужих жизней, настигло её именно сейчас. Страх перемен ледяной коркой схватился где-то под ребрами. Мысль о том, что она останется здесь одна, лицом к лицу с этой оглушительной тишиной, была почти невыносимой. Она уже не верила, что сможет быть счастливой. Счастье осталось там, в прошлом, придавленное мраморной плитой.

За окном тяжело вздохнуло море. Низкий, вибрирующий звук прошел сквозь фундамент дома, поднялся по ногам и отозвался в зубах. Вера сбросила рюкзак прямо на пол. Внутри лежали купленные в городе свечи, пачка дешевого чая, аптечка и бутылка водки набор для выживания человека, который едет не жить, а пересидеть боль.

Она прошла в гостиную. Огромное окно, выходящее на причал, было затянуто серой пленкой соли и грязи. Сквозь треснувшее стекло мир казался раздробленным на сотни мелких, острых осколков. Вера прижала ладони к холодным неровностям.

Я вернулась, сказала она пустой комнате. Голос прозвучал хрипло и незнакомо.

Дом ответил ей лишь сквозняком, швырнувшим в лицо горсть сухой листвы с крыльца. Но в этом равнодушии было странное, горькое облегчение. Сюда нельзя было привезти фальшь. Городские психологи с их мягкими диванами, антидепрессанты, коллеги, отводящие

глаза при встрече всё это осыпалось трухой, стоило переступить порог. Здесь были только истина, соль на губах и зияющая дыра в груди, которую теперь некому было закрывать своим телом.

Эмоциональный тон пролога звенящая пустота, переходящая в тяжелое, свинцовое принятие неизбежного. Перемена свершилась: Вера закрыла за собой дверь внешнего мира. Теперь этот старый дом станет либо её могилой, либо единственным местом, где разбитое стекло её души смогут собрать заново.

Глава 1. Ржавый ключ.

Сумерки здесь были не синими, как в городе, а густо-лиловыми, плотными. Они стекали с низкого неба прямо на черепицу, делая старый дом похожим на присевшего перед прыжком зверя. Вера остановила машину у самой кромки бурьяна вести «Ниву» дальше по разбитой колее было самоубийством.

Дверь открылась с протяжным стоном. Воздух ударил по лицу запахом мокрой земли, йода и сладковатой гнили. Она вытащила сумку, захлопнула металл и только тогда позволила себе выдохнуть. Звук получился слишком громким, чужеродным этой оглушающей тишине.

Участок одичал окончательно. Дикий хмель оплел яблони удавкой, малина вымахала в рост человека, а вдоль покосившегося забора стеной стоял борщевик. К калитке нужно было прорубаться. Вера подхватила из багажника садовые ножницы.

Металл оказался рыхлым от ржавчины. Первое же усилие резкий рывок на себя, чтобы перекусить толстый стебель дудника отозвалось катастрофой. Левая рукоятка лопнула у основания. Тяжелое лезвие пошло вниз по инерции и чиркнуло по тыльной стороне ладони правой руки.

Боли сразу не было. Было удивление. А потом кожу обожгло спиртом и солью. Кровь выступила мгновенно темная, почти черная в сумеречном свете. Она капнула на пыльный резиновый сапог. Вера слизнула выступившие соленые капли, машинально прижала ладонь к грязной ткани джинсов и продолжила работать левой рукой. Сорняки сопротивлялись. Корни сидели в каменистой почве намертво, пальцы соскальзывали с влажных, склизких стеблей крапивы. Через полчаса кисти рук превратились в одну сплошную расу. Мелкие порезы открылись на сгибах пальцев, сорняки жалили сквозь истончившиеся перчатки, суставы ныли тупой, выворачивающей болью. Саднить начало так сильно, что каждый взмах инструментом отдавался в мозгу вспышкой белого света. Но эта физическая боль была благословением. Она выбивала пробки, через которые последние три года она смотрела на мир. Чтобы не думать о другом о том, как ледяная вода смыкается над головой, нужно было чувствовать только это: рвущуюся кожу и дрожь в предплечьях.

К тому моменту, когда она доковыляла до крыльца, луна уже выползла из-за туч. Ржавый ключ вошел в замочную скважину со звуком разрываемой бумаги. Дважды повернулся. Скрип петель прозвучал как выстрел стартового пистолета.

Внутри пахло пылью и холодом. Настоящим могильным холодом каменного мешка. Вера швырнула сумку на пол, прошла в кухню. Щелкнула выключателем. Ничего. Света, разумеется, не было. Она достала из кармана коробок спичек, чиркнула. Оранжевый огонек высветил закопченный потолок, стол, накрытый старой клеенкой в сине-красную клетку, и раковину, полную до краев застывшей черной грязи. На столе стояла керосиновая лампа пузатая, с зеленым стеклом. Пальцы, исколотые стерней, плохо слушались, но фитиль всё же занялся. Лампа зашипела, выпуская язычок робкого, прыгающего пламени. Сразу стало видно, насколько глубоко дом погрузился во тьму.

Она нашла в сумке бутылку воды. Попыталась разжать сведенные судорогой пальцы, чтобы открутить крышку. Не получилось. Пришлось сжать пластик коленями. Вода показалась ей самым вкусным, что она пробовала в жизни теплая, пластиковая, живая. Она пила ее прямо из горла, чувствуя, как жидкость течет по подбородку, смешиваясь с засохшей кровью на запястье.

Уставшая до свинцовой тяжести в веках, Вера добралась до гостиной. Старая тахта встретила её облаком пыли. Она рухнула поверх покрывала, даже не сняв ботинки. Мышцы отказывались держать тело. Ладони пульсировали в такт сердцу. Это был первый уровень провала физическое истощение, после которого должен прийти спасительный сон без сновидений.

Но сна не было.

Тишина давила на барабанные перепонки. В ней тонули мысли, страхи, воспоминания об Илье. Городская привычка спать под гул машин, и далекие сирены скорой помощи сыграли злую шутку. Здесь звуков не было вообще, и этот вакуум звенел в ушах набатом.

Прошел час. Или два. Вера лежала, глядя в черный потолок, где плясали тени от фитиля. И вдруг сверху раздался шаг.

Дерево скрипнуло коротко, сухо, протестуя. *Скр-р-рин*. Пауза. Еще один шаг. *Гун*.

Сердце пропустило удар. Холод, который до этого просто жил в стенах дома, внезапно заполнил саму грудную клетку. Мурашки побежали по позвоночнику, кожа покрылась липким потом ужаса.

Шаги были тяжелыми, мужскими. Ботинок шаркнул по разошедшимся доскам второго этажа. Старый дом постоянно давал усадку, балки терлись друг о друга, крысы могли бегать в перекрытиях, разум подбрасывал эти логичные объяснения одно за другим, но они рассыпались в прах. Потому что звук был ритмичным. Кто-то ходил там, наверху, от окна к стене. Медленно. С расстановкой. Словно человек, который не может найти место и лечь.

Вера села на тахте. Керосиновый свет отбрасывал на стены гигантские, искаженные тени от мебели, превращая комнату в театр теней. Каждая мышца тела напряглась до боли. Страх перемен обернулся животной паникой. Выгорание отступило, уступив место первобытному инстинкту добычи.

Шаг. *Гун*. Шаг. *Скр-р-рин*.

Кто здесь? голос вышел сиплым, сломанным. Собственный шепот показался ей криком.

Шаги замерли. На долю секунды наступила абсолютная, ватная тишина. А затем сверху донесся долгий, протяжный вздох. Он не принадлежал человеку. Так вздыхает остывающий камень или оседающая штукатурка.

Дом дышал.

Вера сглотнула вязкую слюну. Сердцебиение медленно возвращалось к норме, сменяясь глухим стыдом. Макар. Конечно. Законный владелец второй половины дома, ключи от которой он бросил риелтору на стол неделю назад. Видимо, он приехал раньше неё, прошел через свою террасу и поднялся наверх, пока она корчевала сорняки до кровавых мозолей.

Стыд обжег щеки сильнее, чем недавний страх. Она испугалась соседа. Чужого, угрюмого мужчину, чья жизнь никак не должна была пересекаться с её собственной.

Она легла обратно, натянув колючее шерстяное одеяло до самого носа. Боль в ладонях снова начала заявлять о себе теперь она казалась теплой, правильной. Реальной. Вера закрыла глаза, заставляя себя дышать в ритм шагов наверху, которые больше не возобновлялись. Сон пришел только под утро тяжелый, рваный, наполненный запахом соли и ощущением чужого взгляда в спину. Эмоциональный тон первой главы звенящее напряжение между полным физическим истощением и внезапным, иррациональным ужасом одиночества. Перемена ждет героев завтра, при свете дня, когда иллюзии рассеются, оставив лишь двух выгоревших людей на одной территории.

Глава 2. Чужие чертежи.

Утро началось не с будильника, а с запаха озона и жженой пыли. Вера проснулась от того, что в горле першило, а по ногам тянуло сквозняком. Керосиновая лампа давно потухла, оставив после себя сизую дымку. В комнате было сумеречно тяжелый ноябрьский рассвет едва пробивался сквозь мутное стекло.

Она села на тахте, разминая затекшую шею. Ладони горели огнем. При электрическом свете вчерашние царапины выглядели как карта боевых действий: вспухшие красные линии, черные точки въевшейся земли, сорванный до мяса большой палец. Пришлось лезть в сумку за аптечкой. Перекись водорода шипела на коже, словно насмехаясь над её попытками доказать себе, что она всё еще способна справляться с бытовыми трудностями. Выгорание никуда не делось, оно просто сменило маску теперь оно притворялось саднящей болью в руках.

Из кухни тянуло горьким запахом перегоревших кофейных зерен и чего-то металлического. Вера накинула старую вязаную кофту Ильи шерсть неприятно покалывала кожу шеи, напоминая о том, что чужие вещи так и не стали своими и вышла из гостиной.

Картина, открывшаяся ей, заставила замереть в дверном проеме.

Кухня была поделена. Не стеной, не чертой на полу, а абсолютным, физически ощутимым хаосом двух разных вселенных. Левая половина стола принадлежала Макару. Она была завалена технической документацией. Синька схем генератора «Вепрь», исчерканная красным маркером, распечатки каких-то спецификаций, россыпь болтов и гаек. Рядом стояла вскрытая жестянка солидола, испускающая густой химический дух. Его мир был миром трения, сопротивления металла и четких допусков.

Правая половина досталась ей. На ней царил творческий беспорядок: плотный лист ватмана, прижатый по углам ржавыми разводами старых консервных банок, набор мягких карандашей разной твердости, ластик, оставивший серые катышки на дереве, и полупустая кружка с остывшим чаем. Эскизы витражей для частной часовни казались здесь неуместными, слишком хрупкими. Стекло против железа. Искусство против функции.

Они столкнулись ровно посередине стола. Угол его схемы лег поверх контура её лилии, которую она рисовала вчера ночью при керосинке, пытаясь успокоить дрожь в пальцах. Абстрактная геометрия поглотила живую форму.

Доброе утро, голос у неё все еще был сломан со сна.

Макар сидел спиной к ней во главе стола. Единственный исправный венский стул жалобно скрипел под его весом. Он даже не обернулся, продолжая методично чистить контакты аккумулятора ветошью. От него пахло машинным маслом и холодом улицы.

Кофе на плите, бросил он в стену. Осторожнее, турка горячая.

Вера сделала шаг вперед и тут же поняла свою ошибку. Пол тоже был оккупирован. У порога стояли его тяжелые армейские берцы, покрытые рыжей грязью. Её собственные резиновые сапоги были брошены впопыхах у вешалки. Две пары обуви смотрели друг на друга носами, как готовые к драке псы.

Она перешагнула через его ботинки, стараясь не коснуться грубой кожи подошвой своего мягкого носка. Это казалось актом агрессии.

Битва за ресурсы началась с кофе. Турка действительно обжигала пальцы. Вера сняла её с раскаленной чугунной решетки старой плиты и повернулась к столу. Свободного места не было. Ни сантиметра.

Мне нужно расчистить угол, сказала она, глядя на его чертежи. Хотя бы вот здесь. Для завтрака.

Макар медленно поднял голову. Его профиль в утреннем свете казался высеченным из темного камня: тяжелая линия подбородка, резкая тень от носа, плотно сжатые губы. Глаза

цвета мокрого асфальта скользнули по её лицу, задержались на забинтованных ладонях и вернулись к глазам. В них не было злости. Там была глухая, звенящая пустота человека, который забыл, как звучит человеческий голос без помех радиоэфира.

Садись, он кивнул на свой стул.

Это прозвучало не как уступка. Как приказ старшего по званию рядовому. Но ноги гудели, а стоять посреди враждебной территории было глупо. Вера обошла стол, чувствуя, как качается пол под ногами старая терраса давала опасный крен. Она опустилась на жесткий стул. Дерево оказалось ледяным даже сквозь джинсы.

Макар молча встал. Его движение было текучим, несмотря на массивность. Он взял свои бумаги, банку с болтами и перенес их на подоконник, освобождая место перед ней. Затем вернулся, тяжело оперся руками о столешницу, нависая над её эскизами. Тень накрыла нарисованную лилию.

Ты будешь есть стоя? тихо спросила Вера, сжимая горячую ручку турки. Страх снова начал поднимать голову. Инстинкт требовал бежать, прятаться обратно в гостиную, запереться там с лампой.

Он посмотрел сначала на освободившийся подоконник, заваленный его железом, потом на её сторону стола. Мозг инженера работал быстро. Проблема личного пространства всегда решается математически.

Макар протянул руку широкую, покрытую мелкими шрамами и мазутной каймой под ногтями и одним движением смел её кружку, карандаши и кусок ватмана вправо, почти на самый край. Бумага свернулась в трубку.

Здесь будет моя зона обслуживания, ровным голосом сообщил он, указывая на расчищенную левую часть. Твоя творческая истерика остается справа. Если капнешь краской на схему соберу генератор из твоих стеклышек. Поняла?

Вера смотрела на границу, пролегшую прямо через рисунок цветка. Граница была невидимой, но абсолютно непреодолимой. Это была первая попытка поделить кухню. Попытка выжить вдвоем в пространстве, рассчитанном на одного призрака.

Язва, выдохнула она, наливая густой, обжигающий кофе в единственную чистую чашку с отбитой ручкой.

Угол его рта дрогнул. Это нельзя было назвать улыбкой скорее, судорогой лицевого нерва.

Хроническая, согласился Макар и пошел к выходу, хрустя суставами пальцев. Дизель греется. Вернусь через час. И закрой дверь в подвал, оттуда дует так, будто кто-то снизу дышит.

Дверь за ним захлопнулась, отрезая запах солянки. Вера осталась одна. Она сидела на вражеском стуле, в чужой тени, держала двумя обожженными пальцами фарфоровую чашку и понимала, что эмоциональный тон этого утра колючий, искрящийся антагонизм. Перемена произошла незаметно: они больше не были просто чужими людьми под одной крышей. Они стали соседями по коммунальной квартире, где счетчик общего терпения только что включен. Битва за территорию проиграна ею в сухую, но впервые за долгое время Вера почувствовала нечто похожее на азарт. Раздражение лучше, чем мертвая тишина.

Глава 3. Дыхание шторма.

День сгустился к трем часам. Низкое, цвета свинцовой дроби небо легло прямо на конек крыши, придавив старый дом к земле. Море за дюнами перестало шептать оно начало реветь. Басовитый, утробный гул нарастал с каждой минутой, заставляя тонкую посуду в навесном шкафу мелко подрагивать.

Вера стояла у кухонного окна, пытаясь поймать фокус. Эскиз лилии был безнадежно испорчен её собственным дрожанием. Выгорание всегда обострялось перед резкой сменой погоды; барометр внутри неё падал быстрее, чем давление снаружи. Она чувствовала себя вывернутой наизнанку кожа стала слишком тонкой для этого мира.

Тишину разорвал треск статики. Старый транзистор «Спидола», который Макар притащил из своей половины и водрузил на полку между мешком сушек и керосинкой, кашлянул и заговорил голосом диспетчера метеослужбы: *Внимание побережью. Штормовое предупреждение первой категории. Ветер юго-западный, двадцать пять метров в секунду, порывы до тридцати пяти. Волна свыше четырех метров. Всем маломерным судам вернуться в гавань. Населению закрепить легкие постройки...*

Голос диктора потонул в новом всплеске помех.

Макар возник в дверях кухни бесшумно, хотя половица под ним всё же скрипнула. Он уже сменил домашнюю толстовку на плотную штормовку. Капюшон откинут назад, волосы влажные от начинающейся мелкой мороси. От него пахло холодом и озоном. Слышала? он кивнул на радио. Если дизель не закрепим сейчас, утром будем читать твои стеклышки при свечах. Генератор сорвет с фундамента.

Он говорил о железе так, как другие говорят о детях. Вера молча отложила карандаш. Ватман свернулся в тугую трубку протеста.

Они вышли на крыльцо одновременно. Удар ветра сбил дыхание. Воздух был густым, соленым, им невозможно было надышаться казалось, что глотаешь саму воду. Макар сразу шагнул под свес крыши, где стоял его ящик с инструментом. Он вытащил тяжелый гаечный ключ, моток стальной проволоки и начал спускаться по мокрым ступеням во двор.

Я пойду укреплю скобы на южной стене, крикнул он, перекрывая рев моря. Там ставня гуляет!

Вера осталась стоять на сухом пятачке веранды. Наблюдать за тем, как чужой мужчина спасает их общее имущество, было невыносимо. Страх перемен отступил, уступив место чему-то острому и непривычному ответственности. Ей вдруг стало жизненно необходимо быть полезной этому угрюмому человеку, чтобы доказать себе, что она еще существует. Что её руки способны держать что-то тяжелее тюбика с краской.

Она вернулась в кухню. Холод пополз следом за ней.

Ставни здесь были старыми, дубовыми, окованными проржавевшим железом. Каждая весила килограммов тридцать. Вера уперлась плечом в ту, что вела в гостиную, и толкнула. Дерево сопротивлялось, петли взвизгнули. Она распахнула створку.

Улица встретила её стеной ледяной взвеси. Макар стоял внизу, прижавшись спиной к бревнам сруба. Он пытался накинуть стальную петлю на крюк, вбитый глубоко в камень фундамента, но ветер рвал инструмент из рук. Ключ со звоном ударился о гравий.

Кидай! гаркнул он, запрокинув голову. Лицо было бледным, а глаза лихорадочно блестя.

Вера огляделась. Её взгляд упал на подоконник, разделявший их невидимую границу. Там, среди её эскизов, лежала длинная плоская отвертка с синей изолентой на рукоятке ею она вчера пыталась подковырнуть заклинившую раму.

Она схватила инструмент. Выснулась наружу, перегнувшись через низкий подоконник. Пространство между ними сократилось до метра пустоты, заполненного летящим мусором и брызгами. Макар поднял лицо. Их взгляды встретились. На долю секунды шум шторма исчез. Осталось только частое дыхание его парящее облачками в морозном воздухе и её, рвущееся из пересохшего горла.

Руку давай! велела она.

Он протянул широкую ладонь вверх. Вера наклонилась ниже, почти ложась грудью на холодное дерево рамы. Чтобы передать отвертку, ей пришлось вложить её черенок точно в центр его раскрытой ладони. Пальцы сомкнулись вокруг её собственных.

Это длилось меньше секунды. Но время растянулось, как старая резина. Его рука была обжигающе горячей даже сквозь шерстяную перчатку. Мозоли Макара царапнули нежную кожу её запястья. Это было первое осознанное касание. Не случайное столкновение в темноте, не передача кружки. Передача оружия против стихии.

В этот момент дверь черного хода, ведущая в сени, содрогнулась от удара такой силы, что оба вздрогнули. Старая филенка затрещала. Петли застонали на одной низкой, вибрирующей ноте. Дверь выгнуло внутрь, словно кто-то огромный дышал на неё изнутри дома, пытаясь выдавить стекло.

Вера вскрикнула, инстинктивно сжимая пальцы Макара. Это был не страх одиночества. Это был животный ужас перед слепой, неразумной силой природы, которая пришла стереть их обоих с лица земли вместе с их дурацкими границами на столе и чужими чертежами.

Держи! хрипло выдохнул Макар, не отпуская её руку второй рукой. Он перехватил отвертку. Иди в дом! Закрой эту ставню на щеколду, я привяжу низ!

Их сцепленные руки разорвались с сухим звуком трущейся шерсти. Ощущение потери тепла было почти болезненным.

Вера метнулась обратно в тепло кухни. Руки действовали быстрее мыслей. Она навалилась всем телом на тяжелую дубовую створку, захлопывая её. Скрежет металла о металл. Железный язык щеколды вошел в паз. Звук получился удовлетворительным, окончательным. *Щелк.*

Она прислонилась лбом к холодному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле. За окном Макар больше не казался чужим. Силуэт в штормовке, согнувшийся над ржавым крюком, был единственным барьером между ней и абсолютным ничто, реющим там, в темноте.

Глава 4. Синее стекло.

Ветер выдохся только к полуночи. Он не стих постепенно просто в какой-то момент рев за окном сменился монотонным, утробным гулом, а затем и вовсе сдулся до свиста в щелях рам. Дом перестал вибрировать. Наступила звенящая, хрупкая тишина, которую Вера боялась спугнуть даже дыханием.

Она сидела на кухне при свете керосиновой лампы. Граница на столе всё еще существовала: слева темнели его инструменты, справа лежал её нетронутый ватман. Шторм вымыл из комнаты остатки дневной враждебности, оставив после себя тяжелую, влажную усталость. Макар поднялся наверх час назад, бросив короткое «я на боковую», и с тех пор ни половица там не скрипнула. Словно лег и превратился в камень.

Вера чувствовала странное беспокойство. Адреналин схлынул, и выгорание снова начало подтачивать кости ледяной тоской. Ей нужно было движение. Руки требовали работы, которая не требует участия мозга. Она взяла лампу и толкнула дверь, ведущую в подвал.

Деревянные ступени уходили вниз, в густой, пахнущий грибницей и известью мрак. Ламповое стекло выхватывало из темноты лишь круги желтого света. Стены здесь сочлились сыростью, по бетону шли глубокие трещины.

Старый дом дышал памятью. В дальнем углу, под прогнившими полками со сваленными в кучу пустыми трехлитровыми банками, Вера заметила что-то цветное. Кусок стекла, торчащий из-под брезента. Неестественно яркий для этого царства праха.

Она присела на корточки. Джинсы тут же впитали холод от пола. Оттолкнув банки, они отозвались глухим стеклянным стоном она потянула на себя тяжелый кусок промасленного брезента.

Под ним оказалась гора мусора, битого кирпича... и сложенный вдвое деревянный щит. Когда Вера коснулась его, пальцы наткнулись на неровности. Она поддела край ногтями и откинула створку.

Это был витраж. Или то, что от него осталось.

Огромный, почти в человеческий рост свинцовый переплет лежал на боку. Большая часть стекол была выбита, зияющие дыры чернели пугающими провалами. Но те фрагменты, что уцелели, горели невозможным, пронзительным синим цветом. Цветом июльского неба над морем. Кобальт, медь и время смешались в такой глубокой вибрации, что лампа в руке Веры показалась жалкой свечой. Свет керосинки проходил сквозь эти осколки, разбрасывая по бетонным стенам дрожащие сапфировые пятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.